

Это когда-то давно заброшенное селение ничем не отличалось от многих других, которые то и дело попадались ей по пути. Удачно расположившись в небольшой низине, оно было настолько хорошо скрыто от чужих глаз, что только зоркий глаз, многолетний опыт сурового выживания на болотах и некоторая доля везения позволили одинокой страннице отыскать покинутый посёлок среди зловонных чащоб Хэйсидских Топей. Необъятная территория заболоченных лесных массивов и обширных лугов пожухлой травы, где силы природы одержали верх над разумными существами. Дикое, полное гнили и разложения место, где под каждой искривлённой корягой и в затхлой воде тёмных омутов таилась смертельная опасность, выжидающая путников и в любой миг готовая наброситься на жертву. «Вонючая непролазная трясина» – сказал бы какой-нибудь напыщенный единорог или трусливый пони с северных земель, ни единым копытом не ступавшие на закисшую и пропитанную влагой почву болот. Но для неё, для той, что родилась здесь и каждодневно сражалась за выживание, выбивая собственное место под сенью гиблых лесов среди копошащихся в полутьме тварей, это было домом. Жестоким и не прощающим ошибок, но домом.

Осторожно ступая по мягкой от влаги почве и избегая полных отвратительной грязи ям, странница спускалась по небольшому склону к лежащему внизу селению. Низкие и кривые стволы огромных толстых деревьев незыблемо, подобно каким-то великанам из древних сказок, стояли и вечно гнили среди топей, своими густыми кронами закрывая землю от жарких солнечных лучей. Сквозь еле подрагивающее марево болотных испарений почти беспрестанно стоял низкий гул жужжания тысяч насекомых и паразитов, бесчисленными армиями вьющихся в душном воздухе. Хэйсидские Топи были эдаким гниlostным и разлагающимся раем для буйной растительности и живности, грызущейся чуть ли не за каждый клочок этого места.

Затерянная среди трясин деревня пребывала в таком же состоянии, из-за запустения превратившись в местный рассадник всевозможных мерзких созданий, уже на подступах к ней расползающихся под странницей. Внезапно раздавшийся неприятный хруст оповестил ту о случайно раздавленном жуке размером с копыто, неудачно подвернувшемся ей под ногу. Многозначительно хмыкнув, та небрежно обтерла сделанный из толстой кожи высокий сапог о бледно-жёлтую траву и продолжила спуск. Впрочем, нынешняя найденная деревушка ничем особо разительно не отличалась от всех прочих. Такие же покосившиеся болезненно-жёлтые домишки из прогнивших досок и брёвен, уже наполовину поглощённые и занесённые болотными почвами. Такие же бывшие крыши, ныне превратившиеся просто в истлевшие остатки из сопревшей листвы.

Кто знает, зачем жители покинули это селение. Может, их под корень вырезало какое-нибудь соседнее племя, ныне тоже канувшее в небытие. Может, они перебрались на

другое место или, как и сама странница, ушли на север. А может, они просто поголовно слегли от вспыхивающей то тут, то там Чёрной Чумы и разбрелись по окружающим лесам. Но, во всяком случае, даже если бы это и было правдой, ничто не выдавало признаков присутствия в селении прокажённых, а судя по возрасту заброшенных строений, мор уже покинул его. Лишь забивающее уши гудение насекомых да редкий шелест тлеющей листвы царили здесь.

Аккуратно обогнув одно из многих кособоких зданий, она попала на эдакую «улицу» деревушки. Два дома перед ней и один сзади. Все три сруба сделаны наспех и довольно грубо, отчего некоторые брёвна одной из хижин прогнили настолько, что не смогли выдержать вес остальных, и строение рухнуло под собственным весом, теперь представляя собой гигантскую груду отсыревшей древесины. Оставшиеся два оказались более-менее прочными и всё ещё держались, хотя губительное копыто разложения коснулось и их. Кривые провалы окон, зияющие чернотой, были проделаны прямо в древесине бревён. Бегло окинув взглядом наполовину погрузившиеся в землю дома, путница наугад выбрала один из них и вошла в темноту ничем не прикрытого дверного проёма.

Постепенно глаза привыкли к темноте. Внутренняя обстановка хижины, бывшей одной большой комнатой, так же пребывала в заброшенности и запустении, что царили в остальной деревне. Прямо под ногами, у входа, лежала изъеденная кем-то циновка, при малейшем движении которой под копыта страннице из-под таких же прогнивших досок полезла всевозможная пакость, быстро разбежавшаяся по полу. У противоположной входу стены расположился массивный деревянный стол, под которым, поблёскивая на редких солнечных лучах, чернело какое-то странное тёмное пятно. Рядом с одиноко лежащим опрокинутым стулом, в огромной дыре в полу, устроили себе логово многоножки. Копошась и извиваясь, одна из них ловко выскользнула из своей обители и стремительно уползла куда-то под стол. В левом же углу пристроился невысокий шкаф с полками, хранящими на себе парочку истлевших книг и стопку почерневших от гнили деревянных мисок. Огромный пузатый котёл, выполненный из матово-серого металла и кем-то перевёрнутый вверх ногами, покоила в дальнем углу дома почти что рядом со спальней циновкой, не менее сильно изъеденной насекомыми. Вот только одна деталь выбивалась из всего – непонятно от чего слегка покачивающийся труп, вздёрнутый прямо над постелью.

Тело, вопреки всем ожиданиям странницы, сохранилось достаточно хорошо. Возможно, жители селения исчезли не так давно, как она думала, а может, это просто ещё один путник, отчего-то решивший свести счёты с жизнью. Мерно раскачиваясь из стороны в сторону, покойник всё же не вызывал каких-либо опасений у странницы. Холодный взгляд выпученных остекленевших глаз уставился в одну точку и неспешно следовал за телом. Из слегка приоткрытого рта можно было разглядеть несколько достаточно хорошо

сохранившихся и невыпавших чёрных зубов. Оголившиеся проплешины на облезлой полосатой шкуре зебры были усеяны многочисленными ранами, превращавшими тело в одну большую гниющую тушу тухлого мяса. Конечности безвольно свешивались к низу.

Подойдя поближе, странница утвердительно кивнула сама себе, когда увидела, как над трупом постарались падальщики и местные обитатели-насекомые. Проеденное вдоль и поперёк тело, наполненное целыми ходами, теперь служило не только пищей, но местом откладки яиц некоторых существ, которые путешественница едва различила во тьме дома. Кажется, пара из них уже успело проклюнуться, и теперь мясистые белёсые личинки копались где-то внутри покойника и пожирали его чёрную плоть.

Путница, которой тем более надо было ещё провести ночь в этом домишке, явно не желала мириться с присутствием отошедшего к духам зебры. Довольно быстро отыскав конец истлевшей верёвки, перекинутой через одну из балок потолка и привязанной к какому-то штырю, торчащему прямо из стены, она лёгким мановением копыта смахнула с металлического держателя паутину вместе с расположившимся на ней пауком. Резкий удар – и отсыревшая волосаная верёвка лопнула, позволив повешенному с грохотом упасть на деревянный пол, чуть было не проломив его.

На мордочке странницы не мелькнуло и тени отвращения, когда спутанные космы чёрно-белой гривы зебры обнажили заднюю часть шеи, к которой присосался гигантский, размером с несколько копыт, ало-красный клещ, медленно наполняющий специальный мешок на спине смоляно-чёрной кровью. В очередной раз хмыкнув в пустоту, она, стараясь не потревожить трупного паразита, ухватила мертвеца за загривок и осторожно поволокла смердящее тело к выходу, ужасно скрипя досками пола. Ещё несколько резких движений – и покойник вместе с прицепившимся насекомым полетел в широкую, подёрнутую тонким слоем тины зловонную канаву прямо под стенами дома. Послышался пронзительный писк клеща, резко попавшего в затхлую воду, но спустя считанные мгновения он стих.

Разделавшись с испускающим миазмы трупом, странница пожала плечами и неспешно вернулась под тёмный покров покосившегося домика. Дело оставалось за малым. Внимательно осмотрев помещение на предмет наличия нужных материалов, она сочла грубо обтёсанный кривоногий стол наиболее подходящим для её цели. Найдя нужное крепление, она уверенно ухватила инструмент зубами – из многочисленных складок и слоёв изорванного суконного одеяния показался небольшой, но увесистый топорик для рубки деревьев. Взмах – удар. Взмах – удар. То, что раньше было довольно крупным столом, во мгновение ока обратилось в большую гору щепок и гнилой тёмной трухи. Топорик отправился к циновке-постели, куда спустя минуту перекочевали и останки стола.

Теперь перед ней красовалась довольно большая гора пригодной для её цели древесины. На считанное мгновение оранжевые глаза полыхнули ярким рыжим пламенем, озаряя покрытые мхом стены хижины, и на месте щепок теперь весело заплясал магический огонёк, уже начиная согревать влажный воздух. Всполохи танцующего огня, отбрасывая такой же неравномерный свет, озарили полосатую мордочку странницы, успевшей улечься на остатки циновки и уютно устроиться, подобрав под себя ноги и укутавшись в собственное многослойное одеяние. Одинокая зебра просто лежала и смотрела, как пляшет созданный ею магический костерок.

Ей ещё надо переждать ночь.